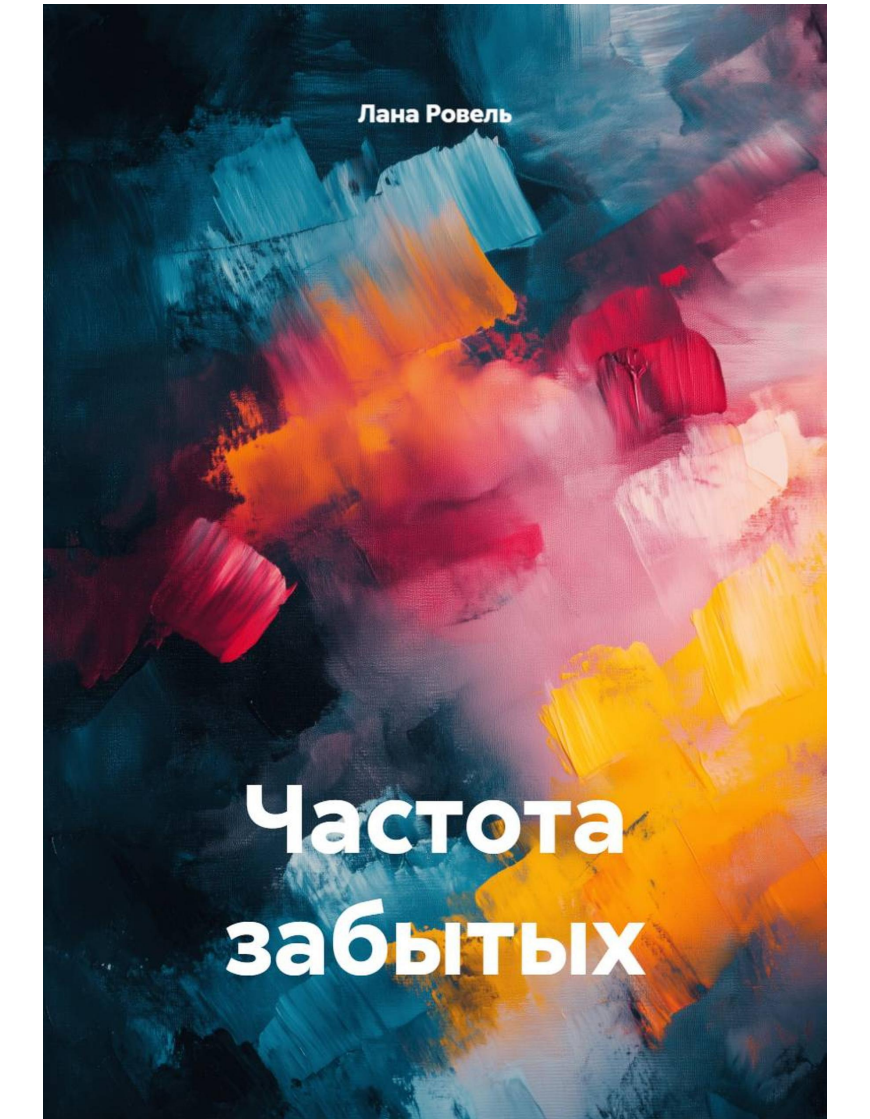

An abstract painting with thick, expressive brushstrokes. The color palette is dominated by deep blues and teals in the upper left, transitioning into vibrant oranges and yellows in the center, and bright reds and pinks on the right. The overall texture is rough and layered, suggesting a sense of depth and movement.

Лана Ровель

Частота забытых

Лана Ровель

Частота забытых

<https://litres.ru/74426834>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вчера Артём Лисицын сидел у окна, срывал алгебру и слышал странный гул под школой. Сегодня его парта пуста, переписки исчезли, а одноклассники уверены, что такого человека никогда не было.

Пятнадцатилетняя Вера помнит Артёма. Более того, старый телефон её сестры Аси, пропавшей год назад, предупреждает: Вера тоже начала исчезать. Вместе с шутником Тимуром, отличницей Ликой и тринадцатилетним радиолюбителем Мишей она находит проход в Нулевой слой, пространство из забытых комнат, пустых школ и чужих воспоминаний.

Пока городская система выбирает новых подростков для исчезновения, друзьям предстоит выяснить, что удерживает человека в реальности, и отказаться от правила, по которому ради спасения большинства обязательно нужно пожертвовать кем-то незаметным.

Содержание

Часть первая. Пропажа	4
Глава 1. Пустая парта	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Лана Ровель

Частота забытых

Часть первая. Пропажа

Глава 1. Пустая парта

Первым исчез Артём Лисицын.

Я поняла это на алгебре, когда Марина Олеговна в третий раз прошла мимо его пустой парты и ни разу не спросила, где он. Обычно отсутствие Лисицына замечали быстро. Когда Артём приходил в школу, урок начинал напоминать автобус, у которого на полном ходу отвалилось колесо, а водитель продолжал уверять пассажиров, что странный скрежет входит в стоимость поездки.

Вчера Лисицын принёс на алгебру живого сверчка и объявил, что проводит научный эксперимент по изучению реакции учителей на внешние раздражители. Эксперимент закончился после того, как сверчок прыгнул Марине Олеговне в волосы. Сегодня парта Артёма пустовала, однако учительница вела себя так, будто ничего необычного не произошло.

На столе не лежал его исцарапанный пенал, из-под крышки не торчала смятая тетрадь, а на спинке стула не висела

чёрная толстовка с нарисованным белым глазом. Исчезла даже надпись «ЛИС ЖИВ», которую Артём месяц назад вывел корректором на краю столешницы. Я наклонилась вперёд и провела пальцем по дереву. Поверхность оказалась гладкой, почти новой, словно за этой партой никто никогда не сидел.

Марина Олеговна написала на доске систему уравнений. Мел пронзительно закрипел, и несколько человек одновременно поморщились. В кабинете было душно: сентябрь только начался, но школьные батареи уже работали так, словно администрация собиралась выращивать в классах тропические растения. Окна оставались закрытыми, и двадцать семь человек медленно варились в запахе пыли, мела и дешёвого дезодоранта.

Двадцать семь.

Я пересчитала учеников ещё раз. В нашем классе должно было быть двадцать восемь человек.

Под партой я достала телефон и открыла общий чат «9-Б без цензуры». Название придумал Лисицын. До него группа называлась просто «9-Б класс», но Артём заявил, что так может называться только собрание людей, добровольно обсуждающих покупку линолеума.

Я пролистала вчерашние сообщения. Домашнее задание, фотография Полининого кота, опрос о школьной дискотеке, стикер с умирающим енотом. Фотографии Марины Олеговны со сверчком в волосах не было, хотя я отчётливо помнила, как Артём прислал её с подписью: «Природа возвращает

себе территории».

Рядом со мной Тимур Каримов рисовал в тетради могилу с надписью «Здесь покоится моя мотивация». Я толкнула его локтем.

– Где Лисицын?

Тимур прикрыл рисунок ладонью.

– Это не то, что ты думаешь.

– Я спрашиваю про Артёма.

Он посмотрел на пустую парту у окна, затем снова перевёл взгляд на меня.

– Какого Артёма?

– Лисицына. Рыжего. Он сидит там.

– Там никто не сидит.

– Сегодня не сидит.

– Вообще не сидит, – уточнил Тимур. – Парта свободна с начала года.

Я ждала, что он улыбнётся, но его лицо оставалось серьёзным.

– Он учится с нами с пятого класса.

– Вера, я тоже учусь с тобой с пятого класса.

– Поэтому ты должен его помнить.

Тимур ещё раз посмотрел на пустое место.

– Ты решила завести воображаемого друга и дала ему фамилию Лисицын?

– У него есть имя, фотографии и страница в соцсети.

– Хотя бы симпатичный?

– У него лицо человека, который пытался зарядить телефон в микроволновке.

– Значит, симпатичный.

Я открыла список участников чата. Двадцать семь человек. Артёма не было ни в группе, ни в личных сообщениях, ни среди отметок на фотографиях. Вчера после уроков он написал мне: «Ты тоже это слышишь?» Я спросила, что именно, и получила голосовое, где сквозь шорох шагов проступал низкий гул. «Трубы не называют тебя по имени», – ответил Артём, когда я посоветовала ему перестать ходить по школьным подвалам.

Теперь переписки не существовало.

– Каримов, – сказала Марина Олеговна, не оборачиваясь от доски. – Ты сейчас станешь ещё более одиноким, потому что пересядешь на первую парту.

– Но там слишком близко к знаниям.

– Ещё одна реплика, и станет близко к директору.

Тимур собрал тетрадь и пенал. Проходя мимо, он наклонился ко мне и тихо сказал:

– Если твой Лисицын появится, передай, что я занял его место в группе.

Я смотрела на пустую парту до конца урока. Несколько раз мне казалось, что стул едва заметно двигается, будто кто-то невидимый сидит за столом и качает ногой.

После звонка я подошла к Полине. Она дружила с Артёмом, хотя при нём называла их отношения вынужденным со-

седством по биологическому виду. Полина стояла у зеркала в коридоре и пыталась убрать белую полосу тонального крема с воротника.

– Ты не знаешь, где Артём?

Она посмотрела на меня через отражение.

– Какой Артём?

– Лисицын.

– Это кто?

– Твой друг. Вчера ты кинула в него яблоком.

Полина нахмурилась.

– Я не ем яблоки.

Это было правдой. Она утверждала, что после них во рту остаётся «грустный вкус». Но вчера Полина принесла яблоко специально, чтобы запустить им в Артёма, и попала в плечо. Я сидела в двух метрах.

– Ты точно нормально себя чувствуешь? – спросила она.

– Отлично. Особенно приятно, когда все вокруг одновременно притворяются идиотами.

– Вера, мы не притворяемся.

Полина сказала это без злости. Так взрослые разговаривали с человеком, который внезапно начал объяснять, что холодильник читает его мысли. Она осторожно коснулась моего запястья.

– Может, сходишь к Елене Викторовне?

Елена Викторовна была школьным психологом. На двери её кабинета висел плакат «Твои чувства имеют значение».

Под плакатом кто-то написал маркером: «Но оценки имеют большее». Администрация трижды стирала надпись, и трижды она появлялась снова. Авторство приписывали Лисицыну.

Я убрала руку.

– Не надо.

– Я просто предложила.

– А я просто отказалась.

В конце коридора висела общая фотография нашего класса, сделанная весной. Я подошла ближе. На снимке было двадцать семь учеников. В заднем ряду, между Тимуром и физруком, оставалось странное свободное место. Все стояли немного дальше друг от друга, чем я помнила.

На настоящей фотографии Артём показывал рожки над головой физрука. Я помнила щель между его передними зубами, веснушки и волосы, которые он однажды покрасил в зелёный, но краски хватило только на левую половину головы.

Изображение дрогнуло. В свободном месте на долю секунды появилась высокая тёмная фигура. Её лицо было повёрнуто ко мне, но лица я не увидела, только гладкое пятно, в котором отражался свет ламп.

Я моргнула. Фигура исчезла.

– Ты чего застыла? – спросил подошедший Тимур.

– На фотографии что-то было.

– Лица наших одноклассников? Я тоже стараюсь туда не

смотреть.

– Между тобой и физруком.

Тимур приблизился к снимку.

– Пустота.

– Именно.

– Сильное название для школьного фотоальбома.

Я достала телефон и навела камеру на фотографию. Экран мигнул, приложение закрылось, а на чёрном фоне появилась белая надпись: «Недостаточно памяти». Свободного места у меня было больше пятидесяти гигабайт.

– Телефон сломался, – сказала я.

– Поздравляю. Теперь ты сможешь развить личность.

Экран снова загорелся. Поверх часов возникло уведомление без значка приложения: «НЕ ИЩИ ЕГО В ШКОЛЕ».

– Тимур.

– Нет.

– Я ещё ничего не сказала.

– По выражению лица вижу, что сейчас мне предложат либо нарушить закон, либо спуститься в подвал.

Я показала ему экран, но уведомление уже исчезло. Тимур проверил историю, пожал плечами и вернул телефон.

– Там ничего нет.

– Я видела.

– Я верю, что ты что-то видела.

Это прозвучало хуже, чем если бы он назвал меня сумасшедшей.

Прозвенел звонок. Коридор пришёл в движение: кто-то толкнул меня в плечо, кто-то наступил на ногу, девочка из восьмого класса пробежала мимо с огромной моделью молекулы. Через несколько секунд я заметила, что поток школьников разделяется за метр до меня. Люди обходили меня, не глядя и не прося посторониться, будто вокруг возникло невидимое препятствие.

Я подняла руку перед лицом проходящего мальчика.

– Эй.

Он не моргнул. Когда я схватила его за рукав, пальцы прошли сквозь ткань. Меня обдало холодом, от которого заболели кости, и я резко отдернула руку. Кожа на кончиках пальцев стала серой.

– Тимур!

Он продолжал идти и не оглянулся.

Лампы под потолком мигнули. После третьей вспышки коридор изменился. Стены потемнели, краска вспучилась, двери кабинетов исчезли. За окнами вместо школьного двора лежала чёрная пустота, по которой медленно плыли перевёрнутые дома.

Людей не осталось. Из-под пола поднимался низкий гул, тот самый, что был на записи Артёма. В конце коридора стояла высокая фигура с непропорционально длинными руками. Там, где должно было быть лицо, блестела гладкая тёмная поверхность.

Фигура заговорила моим голосом:

– Никто не заметит, если ты исчезнешь.

Она сделала шаг. Лампы начали гаснуть одна за другой, и темнота двигалась вместе с ней. Я побежала к лестнице, но коридор вытягивался, а выход отдалялся. Позади звучали неторопливые шаги.

Телефон завибрировал в кармане. На экране появилось сообщение: «ВЕРА, ПРОСНИСЬ».

Я остановилась. Фигура оказалась совсем рядом и наклонилась ко мне. Из гладкого лица донёсся голос отца:

– Мне сейчас не до тебя.

Потом голос Полины:

– Ты точно нормально себя чувствуешь?

И наконец мой собственный:

– Люди всё равно уходят.

Я ударила себя телефоном по ладони. Боль оказалась настоящей, и коридор исчез.

Я снова стояла у классной фотографии. Вокруг шумели ученики, лампы горели, а Тимур держал меня за плечи.

– Вера, ты меня слышишь?

Я кивнула.

– Ты выключилась секунд на десять.

– Я была не здесь.

– Я тоже иногда так делаю на алгебре, но обычно менее драматично.

На моей руке оставались серые пятна. Тимур заметил их и перестал улыбаться.

– Это откуда?

– Не знаю.

Телефон коротко треснул. Само собой открылось приложение для заметок, и на пустой странице начали появляться буквы.

«ТЫ НАЧАЛА ИСЧЕЗАТЬ».

Тимур прочитал сообщение вместе со мной. Появилась вторая строка: «НЕ ДАЙ ИМ ЗАБЫТЬ ТЕБЯ». Затем третья: «Я НЕ СМОГЛА».

Последнее сообщение было подписано именем, которого я не видела почти год.

«АСЯ».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.